

!

К сожалению, под пристальными и выжидающими взглядами всех присутствующих из дверей уверенным шагом вошёл лишь Чэн Лиминь, чья причёска в этот момент крайне напоминала запущенное птичье гнездо.

Пациенты не смогли скрыть глубокого разочарования, которое мгновенно отразилось на их лицах.

Чэн Лиминь не обратил на них никакого внимания. Лицо его было мрачным, а взгляд – тяжелым, словно он только что наглотался пороха.

«Что с ним такое?»

«Кто его так разозлил?»

«Может, всё из-за того, что медбрат Е опоздал?»

«Скоро обед, а его всё нет. Не случилось ли чего-то плохого?»

Духовная энергия пациентов вибрировала в воздухе, почти физически передавая эти беспокойные мысли. Они даже не пытались скрывать свои эмоции от Чэн Лиминя, поэтому тот слышал каждое слово, каждое сомнение.

Слушать этот бесконечный поток догадок было просто невыносимо.

- Хватит гадать! – рявкнул он. – Медбрата Е перевели, сегодня он не придёт, и в будущем тоже!

Будучи единственным сотрудником и одновременно руководителем Центра активности, Чэн Лиминь с самого утра, едва получив известие, в ярости помчался к старшей медсестре, чтобы выяснить отношения.

- С таким трудом удалось найти парня, который мог бы мне помогать, а его забрали, когда он не проработал и дня! Что это вообще значит? Или вы полагаете, что Чэн Лиминя можно так легко обидеть?

Тянь Фу молча налила ему стакан воды, надеясь, что это поможет ему немного успокоиться.

Только после этого она спокойно произнесла:

- Медбрата Е перевели в палаты верхнего уровня.

На самом деле Тянь Фу и сама была немало удивлена таким поворотом событий.

Ведь, по её глубокому убеждению, такой иностранный сотрудник с весьма сомнительным прошлым, как Е Юймэн, в столь щекотливый момент должен был быть как минимум отстранён от работы, если не выдворен из Королевского санатория с позором.

Ранее, когда директор приказал доверить всё интеллектуальному ядру, она беспрекословно выполнила приказ, но в глубине души всё ждала момента, когда руководство обнаружит этот факт.

И действительно, в первый же день работы Е Юймэн привлёк пристальное внимание декана Лэя.

Однако Тянь Фу никак не ожидала, что Е Юймэна действительно уберут с прежнего места, но не подальше от центра, а, напротив, переведут прямо к Его Величеству.

Когда она получила это известие, то несколько раз перепроверяла информацию у декана Лэя, не веря своим ушам.

Впрочем, никакой личной неприязни к Е Юймэну она не испытывала. Он был красив, вёл себя скромно, а улыбка его была настолько милой, что ей самой в какой-то момент захотелось родить такого ребёнка.

Раз руководство считает, что всё в порядке, то у неё тем более не было причин для беспокойства.

А что касается Чэн Лиминя?

Какие у него могли быть вопросы?

Как медбрат, который больше всех контактирует с пациентами в Королевском санатории, мог не знать, кто именно живёт в палатах верхнего уровня?

В конечном счёте Тянь Фу просто отправила ему досье на пятерых других медбратьев из «Сихэ», предложив выбрать любого из них на своё усмотрение.

Чэн Лиминь был вынужден смириться и, поджав хвост, вернуться обратно на своё рабочее место.

Конечно, рассудком он всё принял, но на душе всё равно было паршиво. Глядя на эту ораву маленьких «предков» в комнате отдыха, он чувствовал себя ещё хуже.

Их тела деградировали до детской формы, и если не восстановиться как можно скорее, то и разум со временем станет всё более инфантильным.

А для звероловцев, живущих в Королевском санатории, год или два – это ещё короткий срок; нередко случаи, когда подобная деградация длится десятилетиями.

Эти пациенты, по сути, уже стали детьми. Нет, вернее будет сказать – животными.

Ладно бы они просто шалили, но некоторые отличались диким нравом и совершенно не поддавались воспитанию, как, например, та маленькая обезьянка, которую Е Юймэн видел в день своего прихода.

Чэн Лиминь каждый день прислуживал этой ораве, которую нельзя было ни ударить, ни отругать. Он чувствовал, что его доля тяжелее, чем у воспитателя в самом шумном детском саду, и в будущем не видел никакой надежды на облегчение!

Стоило ему произнести эти слова, как затихшая было духовная энергия в комнате отдыха снова пришла в движение.

«Почему медбрата Е перевели? Его наказали за то, что он нас отругал?»

«Он ведь не нарочно...»

«Хотя он мне не нравится, но разве стоило так поступать? Его что, уволили?»

- ...

Маленький лисёнок забыл о грусти и тоже с любопытством присоединился к обсуждению.

Лежащий на кровати медвежонок выглядел разочарованным, а соседний львиный кот недовольно и раздражённо бил хвостом по простыне.

Чэн Лиминь не стал отвечать на их вопросы.

- Скоро время обеда, - сухо констатировал он.

Затем он нахмурился и добавил:

- У меня сегодня плохое настроение, так что лучше ешьте спокойно, иначе не обессудьте!

Время приёма пищи было самым тяжёлым периодом дня.

Некоторые пациенты не любили есть в своих палатах и предпочитали делать это в комнате отдыха, поэтому со временем она фактически превратилась в импровизированную «столовую».

Однако разве дети когда-либо едят спокойно?

К тому же из-за деградации организма, затяжных болезней и старых травм большинство пациентов могли питаться лишь строго по расписанию и в определённых дозах - специальными питательными растворами.

Хотя в Королевском санатории использовали довольно качественные смеси с разными вкусами, употреблять их каждый божий день было невыносимо.

Даже взрослый человек со здоровым разумом, вроде Чэн Лиминя, не любил эти растворы, что уж говорить о «детёнышах»?

Поэтому каждый раз в этот час Чэн Лиминь испытывал особые мучения.

Хорошо хоть, что пациентов, чьё состояние позволяло есть обычную еду, отправляли в их палаты, иначе каждый день здесь разыгрывалась бы настоящая битва за пропитание.

Двенадцать членов отряда «Лезвие» из-за недавней деградации пока не входили в число тех, о ком Чэн Лиминю приходилось беспокоиться.

Гуанье, который всё это время сидел с закрытыми глазами, наконец открыл их.

Это были глаза глубокого сапфирового цвета, в синеве которых поблёскивал едва заметный фиолетовый оттенок, а в самой глубине мерцали холодные, далёкие звёзды.

Как заместитель командира отряда «Лезвие», даже вернувшись в детскую форму, Гуанье, как и Лу Наньчжоу, сохранял полную ясность рассудка, и его разум почти не изменился.

Он обвёл взглядом комнату отдыха, и в глазах его читалась глубокая задумчивость.

Затем он активировал духовную энергию и открыл голографический экран своего компьютера, доступный только ему одному. На экране была открыта страница чата.

В строке с пометкой «Отец» можно было увидеть начало прочитанного сообщения.

Отец: [Что конкретно с Его Величеством? Скажи мне правду...]

При виде этих слов в глазах Гуанъе промелькнуло раздражение. Он использовал духовную энергию, чтобы удалить сообщение, и пролистал интерфейс.

Когда он дошёл почти до самого низа, список остановился.

Центральный стационар, палата верхнего уровня.

Компьютер Мо Иня внезапно завибрировал. Он слегка вздрогнул, поднял голову и взглянул на монитор сна Лу Наньчжоу. Убедившись, что тот не проснулся, он открыл сообщение.

Гуанъе: [Как Его Величество?]

Увидев имя отправителя, Мо Инь удивился. С тех пор как он получил тяжёлое ранение, его старый друг детства и соратник стал гораздо холоднее и резче.

Они уже давно не общались.

Однако, вчитавшись в содержание, Мо Инь плотно сжал губы.

Перейдя на второстепенную работу в разведывательный отдел, он узнал много того, о чём раньше даже не догадывался, и понял, что Империя Яоцзинь, внешне могущественная, вовсе не была монолитной.

Хотя клан Гуанъе и поддерживал Его Величество, большинство представителей народа птиц подчинялись только самому Императору...

Мо Инь вздохнул и в конце концов набрал ответ: [Его Величество спит.]

Спустя некоторое время пришёл ответ.

Гуанье: [Хорошо.]

Глядя на краткие, почти сухие слова собеседника, Мо Инь помедлил, но всё же спросил: [А ты как?]

Гуанье: [Пойдёт.]

Гуанье: [Пора обедать.]

Снова почувствовав эту отчуждённость и холод, Мо Инь вздохнул и смог ответить лишь коротким «Хорошо».

В этот самый момент в палату вошёл робот-медбрат:

- Обед для медперсонала доставлен, пожалуйста, приступайте к приёму пищи.

Е Юймэн, который всё утро просидел у кровати, невольно поднялся.

- Обед принесли! - радостно воскликнул он. - А-Мо, пойдём поедим!

Когда он только что применял малое искусство возвращения весны, Мо Инь не сводил с него глаз. Е Юймэн уже испугался, что раскрыл себя, но всё обошлось.

В конце концов, сияние малого искусства возвращения весны мог видеть только он сам.

На самом деле Е Юймэн задумывался, не стоит ли ему самому продемонстрировать свои способности, но после долгих раздумий отбросил эту мысль.

Он здесь новичок и ничего не знает ни об этой стране, ни даже об этом мире, так что риск был слишком велик.

К тому же все в этом мире – полукровки, смесь людей и магических зверей. Существуют ли у них, помимо духовной энергии, другие отличия от обычных людей?

Не приведут ли эти отличия к тому, что его медицинские техники окажутся неэффективными? Или эффект будет искажён?

Все эти вопросы требовали времени для наблюдения и тщательной проверки.

Поэтому Е Юймэн решил действовать осторожно, постепенно находя возможности контактировать с другими пациентами, а когда придёт время – тогда и будет видно.

- Иди ешь, - ответил Мо Инь.

- Хорошо, - покорно отозвался Е Юймэн.

Видя, что Мо Инь не хочет есть, Е Юймэн не стал настаивать.

Он вышел из палаты, получил свой рабочий обед у робота-медбрата и направился в соседнюю комнату отдыха для персонала.

Рабочий обед был строго дозирован. Если порции не хватало, можно было сказать роботу-медбрата, и в следующий раз он приносил больше.

К тому же ланч-бокс был сделан из особого материала, сохраняющего температуру: когда бы его ни открыли, еда внутри всегда оставалась тёплой.

«Вот бы забрать один домой», - пробормотал Е Юймэн.

Разве не расточительство использовать такую замечательную коробку только как ланч-бокс?

Однако, как только он попробовал еду, он тут же забыл об этом.

Неужели питание в палатах верхнего уровня тоже улучшилось? Оно было намного изысканнее, чем бесплатная еда в столовой, ингредиенты – богаче, а качество – выше.

Как же вкусно!

Вероятно, это был самый вкусный обед, который Е Юймэн пробовал с момента прибытия в этот мир.

Глаза Е Юймэна засияли, он с аппетитом поглощал еду, впервые в жизни осознав, что обычный обед может приносить такое счастье.

После еды он в прекрасном настроении вернул посуду роботу-медбрату.

Только он собрался вернуться в палату, как что-то вспомнил и посмотрел на лифт в конце коридора.

Сейчас время обеденного перерыва, значит, он может свободно передвигаться?

Вспомнив о маленьких зверюшках в комнате отдыха, Е Юймэн взглянул в сторону палаты, убедился, что с Сяо Ту всё в порядке, и повернул к лифту.

- Пожалуйста, предъявите удостоверение личности и назовите этаж, на который хотите отправиться, – раздался мягкий синтезированный голос.

- Мне нужно в Центр активности.

Е Юймэн предъявил удостоверение, однако...

- Прощу прощения, у вас нет доступа в Центр активности, – ответил механический голос. – Желаете отправиться на первый этаж?

Е Юймэн замер.

Значит, медперсонал, помимо своего рабочего участка, не может посещать другие места в Центральном стационаре?

Вспомнив, что в санатории всё ещё действует строгий режим, Е Юймэн, чтобы избежать лишних недоразумений и неприятностей, был вынужден отступить и отойти от лифта.

Глядя, как двери лифта медленно закрываются, он с досадой нахмурился.

Если всё так, то как же он сможет попасть в комнату отдыха и лечить тех зверюшек?

Хотя его перевели в палаты верхнего уровня, теоретически, если он вылечит Сяо Ту, это можно считать исполнением желания прежнего владельца тела.

Но ведь он уже познакомился с теми детёнышами и твёрдо решил найти способ их вылечить, как же можно всё бросить на полпути?

К тому же, только контактируя с большим количеством пациентов, он сможет быстрее понять этот мир...

Е Юймэн не хотел сдаваться.

Но перед лицом закрытых дверей лифта и строгих правил контроля санатория он пока был бессилён. В конце концов, он отвёл взгляд и с тяжёлым сердцем вернулся в палату.

Когда он вернулся, Мо Инь как раз собрался обедать.

И не прошло и двух минут, как он вернулся – удивительно быстро.

- А-Мо, ты уже поел?

- Да.

Он обещал декану Лэю, что не оставит Е Юймэна одного присматривать за Его Величеством, и это касалось даже времени обеда.

А ел он так быстро потому, что его рабочий обед состоял из заранее подготовленного питательного раствора. Хотя он был невкусным, он давно к этому привык.

Как и Его Величество, который уже не мог есть самостоятельно и поддерживал жизнь только питательными веществами, как и его соратники...

Все они так страдали, как же он, «дезертир», может наслаждаться жизнью в одиночку?

Сереброволосый юноша снова сел в углу, словно мог просидеть так, не шелохнувшись, целый день.

Е Юймэн украдкой наблюдал за ним.

Неизвестно, было ли это из-за потери руки, но ему казалось, что когда А-Мо молчит, его окутывает какая-то глубокая меланхолия, словно у него в запасе много печальных историй.

Судя по отношению декана Лэя к нему, его личность должна быть непростой. Может, через него удастся вернуться в комнату отдыха...

Е Юймэн немного подумал и решил завести с ним разговор.